
Константин КОМАРОВ

* * *

Привет, товарищи потемки!
Такой козырной масти вы,
что скрыты все кровоподтеки
на обнуленных мостовых.

Освободит такую гущу
свеченье кесарево ли?
Язык ваш — лижущий и лгущий —
все переводит на рубли.

И пропадают девки в давке,
и серо пареньков рядно,
и гнет ассортимент прилавки —
весь инородный, неродной.

А дни идут, скрипя подагрой,
и пригибают к январю.
Я отыщу тебя под аркой
и подворотню подарю.

Пока что снег еще промочен
и ненароком спит нарком,
мы знаем тысячу примочек
объехать зренье с ветерком.

Бой длится — нервный и неравный,
и змеи тянутся ремней.
И свет — Сизифа болью ранен.
И камни катятся ко мне.

* * *

Разбилось слово о чернила,
оно стремительно летело
и синяками очернило
бумаги действенное тело.

Константин Маркович Комаров родился в 1988 году в Свердловске, окончил Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, кандидат филологических наук. Как поэт и литературный критик публиковался в журналах «Дружба народов», «Урал», «Звезда», «Нева», «Октябрь», «Знамя», «Новый мир», «Вопросы литературы», «Юность», «Дети Ра», «День и ночь» и др. Участвовал в совещании молодых писателей в Липках, Зимней школе поэтов в Сочи, поэтических фестивалях в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Челябинске и т. д. Автор нескольких книг стихов и сборника литературно-критических статей «Быть при тексте».

А смысл — помахал и скрылся,
мосты горят, и время сжечь их,
так с корабля сбегают крысы,
так мужики бегут от женщин.

И пухнут мертвым шлаком вены,
но строчки шелковы, как волны,
и говорят о сокровенном
зиянье смысла своевольном.

И звуков траурное сходство
проходит сквозняком по дому.
А в зеркалах — сплошное скотство,
и ночь меня вгоняет в кому.

* * *

Слезой подмочен, но подмечен,
пульсирующей схвачен веной
прошедший день, что будет вечен —
весь деревянный, довоенный.

А новый — изнемог от рвения
и одного взыскует страстно:
во время смертного паденья
и заполнения пространства.

А по души пустому пляжу
гуляют призраки немые,
и звуки сби(ы)вшиеся пляшут
до полнокровной анемии.

Дыханье стаптывает стопы,
я стопорить его не вправе
и лишь пытаюсь по-простому
в певучий ямб перенаправить.

Со мной такое не впервые,
и медленной походкой шаткой
слова выходят солевые
из памяти бездонной шахты.

* * *

В попытках побороть боренья
преуспеваешь ты едва,
беременная от барменов
и от браминов голова.

В столичной суете статичной
финальной не избежь дыры,
покуда в дыры сердца тычут
хлеб-соль и прочие дары.

Натычутся, а после шарят —
схватить хоть речи устной тень.
И крутится шикарный шарик
в постдискотечной пустоте.

СПб.

Походка бреда от бедра —
в подвалы, по воде —
повдоль, по городу Петра
и далее — нигде.

Пусть так. Пустяк. Пусть клевета,
пусть молчалив пригляд,
пусть вылетает Левитан,
разбившись о приклад.

Пусть меркнет и мокреет день,
гния, как виноград,
до туши тишину раздень,
небесный вертоград.

Мы продолжаем подражать,
порезавшись об суть,
ладони Ладоги разжав,
нащупав в них абсурд.

Расплавлен питерский ментал,
на сверку — сверху лед.
Но пусть плывет себе минтай
и корюшка плывет!

* * *

Рек разливы и морей
речи светлой впрок,
если некий имярек —
горла поперек.

Так провинциальный принц,
сотворив хет-трик,
получает главный приз,
всех перехитрив.

Длится мерный суток стук,
слушайся его.
Слышно даже за версту,
как кричит Егор.

Высох сплаканный жилет,
пестротою прост.
Если хочешь пожалеть —
выйди за погост:

снега наблюдай ватин,
пей дождя винцо
и попробуй не схвати
поцелуй в лицо.

* * *

Гробатого могила не исправит —
так ветераны ветра говорят.
В течение ночи тридцать семь испарин
переживаешь над стихом подряд.

И невдомек — раскроются ли тайны,
и мозг кипит, как чайник на плите,
рассвет — намеком на исход летальный,
на гибель в суицидной суете
(в ушах летают тишины литавры,
и спящий нищий тонет в чистоте).

Но озирают мир и озаряют
ржаные звезды ржавых тубероз,
и лентой новостною наостряет
экран свой сетевой туберкулез.

Под каблуком свернись в клубок понурый
и обмани отряд гробовщиков,
чтоб окультурить — окурить культурой —
свет, о котором пел Гребенщиков
(бумага же белеет — дура дурой,
ей довелось двоиться под щекой...)

.....покой.